

ФИГУРЫ ФИЛОСОФИИ

ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН
ДЕВЯТЬ РАБОТ

Фигуры Философии

Вальтер Беньямин

Девять работ

«РИПОЛ Классик»

1923-1933

УДК 122/129
ББК 87.3

Беньямин В.

Девять работ / В. Беньямин — «РИПОЛ Классик»,
1923-1933 — (Фигуры Философии)

ISBN 978-5-386-12532-5

Вальтер Беньямин — воплощение образцового интеллектуала XX века; философ, не имеющий возможности найти своего места в стремительно меняющемся культурном ландшафте своей страны и всей Европы, гонимый и преследуемый, углубляющийся в недра гуманитарного знания — классического и актуального, — импульсивный и мятежный, но неизменно находящийся в первом ряду ведущих мыслителей своего времени. Каждая работа Беньямина — емкое, но глубочайшее событие для философии и культуры, а также повод для нового переосмысления классических представлений о различных феноменах современности. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 122/129

ББК 87.3

ISBN 978-5-386-12532-5

© Беньямин В., 1923-1933
© РИПОЛ Классик, 1923-1933

Содержание

«Прошлое, заряженное актуальным настоящим»: о судьбе Вальтера Беньямина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вальтер Беньямин

Девять работ

Серия «ФИГУРЫ ФИЛОСОФИИ» – это библиотека интеллектуальной литературы, где представлены наиболее значимые мыслители XX–XXI веков, оказавшие колоссальное влияние на различные дискурсы современности.

Книги серии – способ освоиться и сориентироваться в актуальном интеллектуальном пространстве.

© Ромашко С. А., перевод на русский язык, составление, вступительная статья, 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

«Прошлое, заряженное актуальным настоящим»: о судьбе Вальтера Бенъямина

«Мы живем в эпоху социализма, женского движения, коммуникаций, индивидуализма. Не движемся ли мы к эпохе молодежи?» Более ста лет назад юный Вальтер Бенъямин этими словами начал одну из первых своих публикаций. Сегодня можно сказать, что он достаточно точно обозначил моменты, сыгравшие в двадцатом веке чрезвычайно важную роль. Не утрачена их значимость и сегодня – а некоторые нюансы ощущаются даже острее. Этот мешковатый близорукий человек со странностями оказался гораздо более зорким и сильным, чем думали тогда о нем многие. Бенъямин погиб в 1940 году, когда Европа была охвачена войной; в общем кошмаре не только оценить, но и просто отметить потерю было почти некому. Бертольт Брехт в своих эмигрантских скитаниях узнал о смерти друга лишь спустя почти год и только тогда внес его в свой поэтический поминальный список и написал эпитафию:

Я слышал, ты поднял на себя руку,
Чтобы не дать палачу работы.
Восемь лет в изгнании наблюдая, как крепнет враг,
Ты последней не одолел границы

И земной перешел рубеж...
Будущее объято тьмой, а силы
Добра ослаблены. Ты это понял
И добил свое измученное тело¹.

Попытки издать Бенъямина в первые годы после войны оказываются безуспешными, и первый сборник его работ публикуется в ФРГ лишь в середине 50-х годов, а полное собрание сочинений начинает выходить еще позднее, в 70-е годы. Но еще и тогда интерес к его наследию был явлением скорее экзотическим. Мало кто готов был предположить, что пройдет еще некоторое время и Вальтер Бенъямин станет не только одним из наиболее обсуждаемых гуманитариев двадцатого века, но и войдет в списки обязательного университетского чтения на разных континентах.

Личность и судьба Вальтера Бенъямина кажутся полными противоречий. Вроде бы эгоцентричный и обращенный прежде всего к своим мыслям и ощущениям, он в то же время постоянно оказывался на самых актуальных силовых линиях времени. Стремясь понять современность, уходил в изучение прошлого, да еще и выбирал в качестве предмета довольно странные, на взгляд многих, детали. Увлёкся диалектикой, но непременно желал поймать тот момент, когда диалектическое движение застывает, «зависает», словно прыгун на фотографии, что, по мнению Адорно, было идеей довольно нелепой. Был человеком открытым, готовым к общению с самыми разными людьми и знакомству с самими разными предметами, однако при этом категорически отказывался ограничиваться какой-либо одной позицией. Его волновали сущностные вопросы бытия, однако всю жизнь он искал частные, видимые и ощутимые проявления глубинных сил и движений. Добровольно расставаясь с жизнью, Вальтер Бенъямин шагнул в вечность, но, чтобы понять его, необходимо войти в тот водоворот истории, в котором он провел свою жизнь.

¹ Перевод В. Корнилова.

* * *

Судьба родившегося в состоятельной берлинской семье в 1892 году мальчика представлялась в тот момент ясной и вполне благополучной. Берлин, ставший столицей объединенной Германии, успешно развивался вместе со всей страной, поднимаясь вровень со «старыми» европейскими столицами, Парижем и Лондоном. Неловкий и мечтательный мальчик, похоже, не подходил на роль финансиста, чтобы продолжить отцовское дело, но перед ним открывались другие возможности, например университетская карьера или литературное творчество. Это детство навсегда останется с Беньямином. Связь с ним он будет держать через собирание старых детских книг, коллекционирование игрушек. Сорокалетним он начнет писать небольшую книгу воспоминаний о своих детских годах². Навсегда останется он и сыном большого города, где бы ни доводилось ему временами обитать.

Но история перечеркивает проступающие очертания будущей биографии. И дело не только в конкретных событиях. Начинается настоящий цивилизационный сдвиг, в результате которого берлинский мальчик, став взрослым, оказывается совсем в другом мире. Беньямин сам достаточно ясно обозначил этот разрыв: «Поколение, которое еще ездило в школу на конке, оказалось под открытым небом в краю, где неизменными остались разве что облака, а посреди всего, в энергетическом сплетении разрушительных токов и взрывов, крошечное и незащищенное человеческое тело»³. Именно эта незащищенность заставляла его искать убежище в детстве (когда тебя защищают родители), она же заставляла его напряженно работать над пониманием того, как человек может сохранить свое достоинство в этом опасном и непредсказуемом мире. Сказалась ли в этом ощущении подхваченная в психоанализе идея нежелания человека расставаться с материнским телом, или же это было предвосхищение экзистенциалистских рассуждений о заброшенности человека в мир – вероятно и то, и другое. Но Беньямин в любом случае искал свой ответ на самые насущные вопросы бытия.

Правда, и начало взрослой жизни представлялось вполне предсказуемым: в 1912 году Беньямин начинает учебу в университетах Фрайбурга и Берлина. Там у него была возможность слушать известнейших немецких философов, социологов, историков культуры, таких как Эрнст Кассирер, Генрих Риккерт и Георг Зиммель. И все же Беньямин с большим скепсисом относился к своей учебе в университете (как до того к учебе в стандартной школе), полагая, что это «не место, где обретаются знания». Он и вообще с ранних лет питал отвращение к административным структурам любого рода. Зато он стал одним из активистов студенческого движения, в особенности дискуссионного клуба в Берлине.

Но это были последние годы накануне появления идеологических и политических разломов, определивших историю Европы на долгие десятилетия. Характерная деталь: в одних аудиториях с Беньямином находился и юный Хайдеггер (свидетельств о каких-либо контактах не обнаружено). Не пройдет и двух десятилетий, как Беньямин с Брехтом станут планировать совместный идейный «разгром» Хайдеггера – до реализации замысла дело, правда, так и не дойдет. Рубежом, разделившим исторические эпохи, стала Первая мировая война.

Сейчас непросто представить себе, каким потрясением она стала для интеллектуалов как наиболее чуткой части общества. Удар был настолько сильным, что некоторые приняли решение уйти из жизни. Этот социальный эксцесс коснулся и Беньямина: через несколько дней после начала войны покончил с собой его близкий друг Фриц Хайнле. Его смерть так и осталась незаживающей раной в душе Беньямина.

² При жизни Беньямин публиковал в периодике лишь отдельные эпизоды, отдельной книгой воспоминания вышли уже после войны; русское издание: *Беньямин В.* Берлинское детство на рубеже эпох. М., 2012.

³ См. эссе «Оскудение опыта» в этой книге.

Беньямин отходит от общественной деятельности. По счастью, его признают негодным к военной службе (вряд ли он уцелел бы на фронте). Все больше он углубляется в фундаментальные проблемы философии, истории культуры и литературы. Именно в эти беспокойные годы складывается его рабочий метод. Многие заметки и наброски этого времени так и остаются рабочими документами, не опубликованными при жизни. Он не планирует монументальных трудов, напротив, работа идет небольшими текстами эссеистического характера. Так было и в дальнейшем, даже немногие его книги были, в сущности, собранием эссе и фрагментов.

Беньямин работает над проблемами философии языка, размышляет о судьбе и характере, пишет критику насилия. Набрасывает даже программу грядущей философии, которой, впрочем, не очень следовал и сам. И все же многое из написанного тогда в разных формах получило развитие в дальнейшем. Тогда же он обращается и к литературным авторам, которые станут его спутниками на всю жизнь; в первую очередь это Франц Кафка и Шарль Бодлер, переводы из которого он опубликует в 1923 году, предпослав им свое эссе «Задача переводчика».

В эти годы складывается дружба Беньямина с Герхардом (позднее он меняет свое имя на Гершом) Шолемом. Верность этой дружбе они хранили всю жизнь, несмотря на то, что долгие годы были в разлуке. Именно благодаря Шолему до нас дошли многие тексты Беньямина, как и свидетельства о его жизни. Вместе с Шолемом в жизнь Беньямина активно вошла еврейская культурная и религиозная традиция. Дело в том, что семья Беньямина принадлежала к числу берлинских ассимилированных евреев, которых еще называли «евреями, отмечающими Рождество» (в «Берлинском детстве» Беньямина есть очень эмоциональная зарисовка о рождественских днях). Шолем и сам был, в общем-то, из той среды, но активно погружался в иудаизм и еврейскую культуру, проникался идеями возрождения еврейской культуры в Палестине. Он мечтал приобщить друга к своим стремлениям; Беньямин с интересом и симпатией следил за его деятельностью, однако несмотря на все старания Шолема так и не примкнул к нему ни идейно, ни практически. Уже в 1923 году Шолем уезжает в Палестину, и все попытки увлечь Беньямина повторить его путь – даже хотя бы на время – остались безуспешными. До ухода из жизни Беньямин видел друга лишь дважды, когда тот ненадолго приезжал в Европу⁴.

В отличие от Шолема Беньямин обращается к идеям мессианизма и утопизма не только через иудейскую мистику, но и через метафизические медитации, а также через переживание катастрофизма событий мировой войны и последовавших за ней революций. В результате появляется текст, который Адорно позднее озаглавил «Теолого-политический фрагмент», а также эссе «Капитализм как религия». Это приближало его к левому движению немецких интеллектуалов, которое тогда только формировалось.

Свое образование Вальтер Беньямин завершает в благополучной мирной Швейцарии, где пишет диссертацию «Понятие художественной критики в немецком романтизме» (1920). Полученное им звание доктора остается единственным академическим титулом на всю жизнь. Но гораздо важнее и обращение к романтизму как предмету изучения, и то, что он впервые в этой работе развернуто высказывается о необходимости понимания произведения искусства не самого по себе, а в процессе его освоения обществом – предвосхищая тем самым и сформировавшуюся во второй половине двадцатого века рецептивную эстетику, и свои собственные исследования более позднего времени, в которых искусство рассматривается как производственный коммуникативный процесс, а произведение искусства – как элемент этого процесса, а тем самым и как особая возможность познавательной деятельности.

В очередной раз исторические события меняют судьбу Беньямина. Он готов был оставаться в Берне, чтобы продолжать академическую карьеру, однако в Германии послевоенная разруха, и жизнь в Швейцарии оказывается слишком дорогой. Приходится возвращаться

⁴ В конце жизни, в 1975 году, Шолем опубликовал книгу воспоминаний о Беньямине: *Шолем Г. Вальтер Беньямин. История одной дружбы*. М., 2014.

в Германию и пытаться защитить вторую диссертацию там. Беньямин представляет диссертацию о происхождении немецкой барочной драмы в университет Франкфурга-на-Майне (1925). Работа эта, несмотря на свое заглавие, была вовсе не литературоведческой, а философско-социологической. Беньямин критикует принятое в то время позитивистское понимание историзма как выстраивания последовательности событий, связанных простой причинно-следственной связью (в конце жизни он вернется к этому вопросу, призывая «чесать историю против шерсти»). И продолжает развивать свои мысли о произведении искусства, которое представляется ему своего рода магическим кристаллом, открывающим панорамный взгляд на общество, его породившее.

Франкфуртская профессура отказалась принять работу к защите (похоже, она оказалась неспособной распознать, в чем же состоял замысел Беньямина). На этом университетская жизнь для Беньямина (не слишком-то к ней привязанного) была окончена. Правда, франкфуртские визиты оказались небесполезными: он завязал здесь знакомство с Теодором Адорно и другими молодыми людьми, которые составили в дальнейшем франкфуртскую школу философии и социологии. Так он сделал еще один шаг в сторону левой интеллигенции.

Была и еще причина, по которой неудача во Франкфурте не воспринималась им как катастрофа. В 1924 году Беньямин продолжал работу над диссертацией, находясь несколько месяцев на Капри. Окрестности Неаполя стали в то время прибежищем немецкой интеллигенции. Не требующий больших расходов быт, мягкий климат, доброжелательная атмосфера – все это воспринималось как возможность уйти от проблем на родине, отдохнуть и поработать в сообществе друзей и единомышленников. В этой среде, преимущественно левых настроений, его ждала неожиданная встреча, которая предвещала очередной поворот в его судьбе. Он случайно знакомится с молодой женщиной, которую характеризует в письме Шолему как «большевичку из Риги», «одну из наиболее замечательных женщин, каких я когда-либо знал». Звали эту женщину Анна (Ася) Лацис, она была действительно из Риги, хотя училась уже в Петербурге и Москве. Встреча с ней открыла для Беньямина, по сути, новый мир. Лацис была актрисой и театральным режиссером, за два года пребывания в Германии успела поработать в берлинских театрах, а затем переехала в Мюнхен, где стала ассистенткой Бертольта Брехта. Не только женское очарование и незаурядная энергия покорили Беньямина. Он ощутил существование совсем не того образа жизни, который был знаком ему прежде. Впрочем, сама Лацис полагала, что он и вообще лишен представления о подлинной реальности.

Чтобы увидеть подлинную реальность, далеких путешествий не потребовалось. Достаточно было перебраться с острова на берег, в расположенный на расстоянии прямой видимости Неаполь, и погрузиться в жизнь на его улицах. Так появился очерк «Неаполь», вышедший в 1925 году под двумя фамилиями, хотя написан он был, судя по всему, Беньямином, а фамилия Лацис присутствовала как знак ее роли в этом начинании. «Неаполь» не просто стал прообразом для очерков о других городах (в том числе о Москве, которую Беньямин назвал «северным Неаполем»), но и вообще моделью, позволяющей через видимые приметы городской жизни проникать в характер городской среды, в жизнь общества. Так строилась позднее и многолетняя работа Беньямина над исследованием, посвященным парижской жизни девятнадцатого века.

Едва расставшись с Лацис, Беньямин тут же ищет возможности вновь увидеться с ней. Он неожиданно появляется в Риге, где она тогда руководила рабочим театром и подвергалась политическим репрессиям, так что сюрприз оказался ей явно некстати. Но Беньямин не сдавался и зимой 1926/27 года он уже находится в Москве, куда в то время переехала Лацис. Его отчаянная попытка завоевать Лацис и Москву кончилась крахом, и он покидает город в

слезах. История этой поездки в подробностях была засвидетельствована дневником, который Беньямин вел в те дни в Москве⁵.

Неудача означала только, что Беньямин, столкнувшись напрямую с происходящим в России, не столько осознал (очувтившись без языка в чужой среде, трудно проанализировать ситуацию), сколько ощутил, что ему там не место. Это не была антипатия, скорее, напротив: его проникновенные строки о русских игрушках хранят добрую память о многом, что он увидел в Москве и ее окрестностях. Но все же он решает обратиться на Запад, к той реальности, которая была ему намного ближе, в которой он чувствовал себя как дома. И испытанное им в юности очарование Парижем уже начинает обретать более серьезные очертания: не оставляя занятий темой родины и ближних к ней стран, Беньямин прощупывает возможность сосредоточить свое внимание на этой «столице девятнадцатого столетия».

В 1928 году выходят две книги Беньямина, настолько различные, что они словно написаны разными людьми. Одна из них – «Происхождение немецкой барочной драмы», переработанная неудавшаяся диссертация. Несмотря на все своеобразие (которое и предопределило ее провал), это была все же академическая работа, посвященная культуре прошлого⁶. Вторая – «Улица с односторонним движением» – свидетельствовала уже о новом человеке, что подтверждало и посвящение книги Анне Лацис. Это сборник миниатюр о том, что автор видел вокруг себя, о жизни сейчас; это были зарисовки, афоризмы, сатирические наблюдения и парадоксальные рассуждения. Такая россыпь внешне не связанных фрагментов напоминала коллаж или «монтаж аттракционов» в духе Мейерхольда (в театре которого Беньямин не раз побывал в Москве)⁷.

Благодаря Лацис Беньямин знакомится с Бертольтом Брехтом. Совершенно разные, они тем не менее сразу же оценили друг друга, и довольно быстро между ними установились дружеские отношения. В этой паре Брехт был, скорее, ведущим, а Беньямин – ведомым, однако из этого не следует вывод о неравноправных отношениях. Правда, из попыток совместной работы не вышло почти ничего (то они затевали издавать журнал «Кризис и критика», то планировали написать детективный роман, но эти и другие замыслы остались нереализованными). Они могли соглашаться, могли спорить, могли вообще молчать (просиживая часами за шахматной доской), но во всех случаях ценили возможность быть вместе. Особым подтверждением дружбы стали годы эмиграции, во время которых Брехт поддерживал Беньямина, насколько это было в его силах⁸.

В поле зрения Беньямина оказались не только авангардный эпический театр, но и кино (Эйзенштейн и Чаплин), фотография, иллюстрированные издания и многое из того, что с традиционными представлениями о философских поисках никак не согласовалось. Конечно, жизнь свободного интеллектуала и не могла быть такой же, как у академического работника. Беньямину приходится ради заработка заниматься и книжными рецензиями, и сообщениями о выставках. Вообще такого рода литературные мелочи занимают в собрании его сочинений шестьсот страниц. В это время он не только размышляет о новых способах коммуникации, но и осваивает кое-что на практике. На рубеже двадцатых и тридцатых годов Беньямин был одним из пионеров литературного радиовещания. Он выступал на радио с очерками, создавал образовательные передачи для детей, писал экспериментальные радиопьесы. К сожалению, звукозаписи передач не делались (они шли в прямом эфире), но сохранились многие тексты, по которым можно судить об этой стороне его деятельности.

⁵ Дневник был опубликован в 1980 году, русское издание: *Беньямин В.* Московский дневник. М., 1997.

⁶ Русское издание: *Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы. М., 2002.

⁷ Русское издание: *Беньямин В.* Улица с односторонним движением. М., 2012.

⁸ Эта сторона биографии Беньямина долгое время оставалась недооцененной; подробнее см.: *Вицисла Э.* Беньямин и Брехт – история дружбы. М., 2017.

Новым поворотом в судьбе Беньямина становится 1933 год. С приходом нацистов к власти ему не остается ничего иного, как бежать из страны. Начинается нелегкая жизнь изгнанника. Первое время еще удастся публиковать кое-что под различными псевдонимами в Германии, но вскоре этот источник средств к существованию иссякает. Беньямин обращается в издательства и редакции в Чехословакии, Швейцарии, в Советском Союзе. Публиковаться удастся не всегда, к тому же гонорары – если их вообще удастся получить – оказываются мизерными.

Помощь приходит от франкфуртского Института социальных исследований, эмигрировавшего в полном составе и продолжавшего, насколько это было возможно, деятельность за пределами Германии. Деловые отношения устанавливались нелегко. Даже для нетрадиционных марксистов института, таких как Хоркхаймер и Адорно, взгляды Беньямина оказывались порой слишком экзотичными. Тут необходимо заметить, что Беньямин был хотя и чрезвычайно эксцентричным марксистом, нет никакого смысла (к чему была склонна симпатизировавшая ему Ханна Арендт) пытаться «спасти» его, утверждая, будто марксистом он на самом деле не был. Беньямин в этом случае, как и всегда, оставался верен себе: он не был адептом ни одного из идеологических направлений своего времени. Он не был ни правоверным иудеем (чего добивался от него Шолем), ни правоверным коммунистом (чего добивалась от него Лацис), но в то же время если он утверждал, что работает в рамках исторического материализма, то это была правда – конечно, при том, что понимал он исторический материализм непременно по-своему. После некоторых колебаний институт все же включил его в число своих сотрудников, и небольшая, но регулярная стипендия дала Беньямину возможность небольшой передышки. В то же время это означало и некоторую зависимость, поскольку ему приходилось выполнять работы по заказу института.

Душевным спасением были Париж и основное его занятие в годы эмиграции: исследование французской столицы девятнадцатого века. День за днем Беньямин проводил в Национальной библиотеке, просеивая книги в поисках свидетельств о волновавших его вопросах. Запланированное и начатое им исследование принято именовать «Трудом о пассажирах». Парижские пассажи и в самом деле занимали центральное место в его изысканиях. Важно однако учитывать, что речь не идет об истории города как такового или, тем более, городского хозяйства. Верный своему методу, Беньямин и в этом случае исходил из того, что для получения цельной картины общества необходимо выбрать некоторые принципиально важные феномены, через которые можно будет увидеть общество в целом. В качестве такого центрального феномена он выбрал парижские пассажи, полагая, что это как раз то центральное звено, потянув за которое он сможет размотать всю структуру европейского общества в ситуации первого массированного процесса модернизации. В конечном итоге он стремился через такую операцию прийти к пониманию общества наступившего двадцатого века. Трудно сказать, как долго ему пришлось бы работать в выбранном направлении. К моменту расставания с Парижем в 1940 году труд все еще оставался далеким от завершения. Это была обширная картотека заметок и выписок (привычный для Беньямина образ действия), которые в дальнейшем могли превратиться в текст. Некоторое представление о том, как он мог выглядеть, дают своего рода ответвления, предварительные публикации, сделанные на основе некоторых разделов картотеки. В первую очередь это работы о Бодлере, в которых поэт предстает характерным примером человека нового времени, в судьбе и творчестве которого находят выражение набирающие силу тенденции уклада жизни европейского мегаполиса⁹.

Последние годы жизни Беньямина ознаменовались созданием двух важнейших трудов, которые, несмотря на свой относительно скромный объем, продолжают активно жить в общественном сознании и в наши дни.

⁹ Подробнее см.: *Беньямин В. Бодлер*. М., 2015.

Один из этих трудов – эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (неоднократно переделывалось, работа над ним продолжалась в течение 1935–1939 годов). Беньямин был, пожалуй, первым, кто попытался систематизировать влияние новых средств коммуникации на сам процесс коммуникации и на связанные с ним сферы жизни – лишь много позднее эта сфера исследований получит наименование «теория медиа». Точно так же, как в юные годы, он настаивал на том, что язык нельзя рассматривать просто как некое «средство», поскольку он обладает и собственным бытием, и способностью вмешиваться в жизнь человека, так и теперь, уже в зрелом возрасте, Беньямин показывает, что с появлением новых возможностей общения, новой техники не только открываются принципиально новые возможности творчества, но и меняется все коммуникативное поле, а вместе с ним – социокультурная среда. Много позднее М. Маклюэн попытается сжать это положение в парадоксальном афоризме «The medium is the message».

Второй труд – тезисы «О понятии истории» – волею судьбы оказался его завещанием. Они были написаны накануне гибели и были признанием неизбежных тягостей человеческого бытия и неизбывной веры человека в избавление. В этом чрезвычайно насыщенном тексте Беньямин парадоксальным образом соединил несовместимое, включив в свою версию исторического материализма и понятие чрезвычайного положения, заимствованное у крайне правого политолога Карла Шмитта и истолкованное заново (что, однако, не уберегло Беньямина от жестокой критики), и мессианизм разных религиозных истоков, и утопизм старого и нового образца. Традиционное понимание истории съезживается в крайне ограниченное пространство, охватываемое вечностью. Движение из прошлого в будущее оказывается частным случаем, а потомки становятся ответственными за своих предков. Вместо прогресса перед взором ангела истории предстает цепь катастроф. В своих попытках не потерять надежду в тяжелых испытаниях двадцатого века Беньямин был не одинок, однако он и здесь был одним из наиболее ранних и радикальных мыслителей.

А реальность действительно не давала поводов не только для надежд, но даже и для успокоения. Заключение пакта о ненападении между нацистской Германией и Советским Союзом, а затем и начавшаяся война имели для эмигрантов из Германии самые прямые последствия: вместе с другими Беньямин оказался интернированным в лагерях, и только благодаря стараниям французских друзей он через некоторое время был выпущен на свободу. Наверное, тяжелее этого физического и психического испытания было сознание обманутых надежд: оказалось, что фашизм больше некому остановить. Именно в этом подавленном состоянии Беньямин и писал свои тезисы. Некоторое время спустя война, носившая поначалу «странный» характер, становится реальной: под ударом вермахта французская армия разваливается и Беньямин вместе с другими беженцами отправляется из Парижа на юг, к Испании. По счастью, у него уже есть виза для въезда в США, и он надеется добраться до Португалии, чтобы там сесть на пароход и отправиться в Америку. Но на границе беженцев останавливают пограничники, придравшиеся к формальностям. Похоже, что они просто хотели получить взятку. Но истерзанный невзгодами, обессиленный пешим переходом Беньямин теряет всякую надежду и 27 сентября 1940 года кончает жизнь самоубийством.

* * *

Если попытаться найти для Беньямина место в истории философской мысли, то это будет принадлежность к своего рода «традиции нетрадиционных мыслителей», от Сократа до Ницше и одиноких фигур двадцатого века вроде Людвиг Витгенштейна. Он среди тех, кто не создавал философских систем, не писал компендиев, для кого поиски истины были важнее разного рода «установлений» и дефиниций. Он не придерживался академических норм изложения и не думал о следовании образцам и авторитетам, о чистоте учения. Многие готовы признать его

хроническим неудачником и человеком, которому судьба не дала возможности реализовать задуманное. Но ведь давно известно, что исполнение желаний – вещь чрезвычайно коварная. И неужели, скажем, присвоение профессорского звания могло стать главным в жизни Бенямина – и в нашем отношении к нему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.